

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 341 (517.3) (091)
DOI 10.18101/2658-4409-2024-4-37-56

СТАТУС МОНГОЛИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ (1911–1921)

© Батбаяр Баянбаатар

старший преподаватель, магистр права, докторант,
Монгольский государственный университет
Монголия, 14201, г. Улан-Батор, ул. Сухэ-Батора, 17
batbayar_b@num.edu.mn

Аннотация. Отечественные и зарубежные ученые провели обширные исследования независимости и самостоятельности Монголии. В частности, стала ли Монголия независимой в 1911 г., была ли она признана согласно договорам 1912 г. (Российско-монгольский договор), 1913 г. (Монгольско-тибетский договор), 1915 г. (Кяхтинский договор). До сих пор существуют разные мнения исследователей по многим вопросам правового положения Монголии на международной арене.

В статье предпринята попытка раскрыть вопрос независимости и суверенитета Монголии в начале XX в. с позиций государственно-правовой теории-истории, международно-правовой теории, принципов международного права. Какова была правовая основа международных договоров и соглашений Монголии с другими странами? Являются ли подписанные международные соглашения действительными? Если да, то каково обоснование действительности?

При рассмотрении статуса Монголии в международном праве с юридической точки зрения важно всесторонне проанализировать независимость Монголии в исследуемый период. Многие исследователи помимо отрицания независимости Монголии высказывают неоднозначные и неопределенные позиции.

Ключевые слова: международное право, международный статус, государства, право, Монголия, международный договор, декларация.

Для цитирования

Баянбаатар Б. Статус Монголии в международном праве (1911–1921) // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2024. Вып. 4. С. 37–56.

В 1911 г. Монголия провозгласила свою независимость и объявила о восстановлении страны, что стало декларацией всему миру о том, что она стала независимым суверенным государством. С этого времени Монголия стала субъектом международного права. Нетрудно доказать, что Монголия является суверенным субъектом международного права. Хотя в то время не существовало общепризнанных официальных критериев определения правового статуса государства, их можно вывести из обычного международного права и его систематизированных традиций.

«Государство» представляет собой сочетание населения, территории и управления; три элемента, упомянутые в теории государства и международном праве, считаются основными характеристиками «государства».

Эти критерии были включены в Конвенцию Монтевидео¹ 1933 г. о юрисдикции государств. Конечно, нецелесообразно напрямую оценивать события 1911 г. и статус Монголии того времени по критериям, указанным в принятых позднее международно-правовых документах. Однако не следует забывать, что нормы, изложенные в упомянутой конвенции, одобренной в Монтевидео, являются традиционными уже из Вестфальского мира 1648 г., а соглашения Вестфальского мира вызревали в результате накопленного в течение столетий международного обычного права.

Признаки, определяющие «государство», и принципы, определяющие отношения между государствами, являются результатом систематизации обычного международного права. В целом в работах по международному праву это свойство авторами обычно отмечается [47, р. 120]. Таким образом, можно установить, что Монголия является независимым и суверенным субъектом в рамках особенностей, закрепленных в Конвенции о правах и обязанностях государств, и с точки зрения международного права и теории государства.

Монголии согласно вышеуказанным теоретическим признакам основные свойства, такие как наличие населения, территории и аппарата власти и управление (публичной власти), присущи, и нет необходимости акцентирования на этом аспекте. Однако необходимо серьезно учитывать четвертый признак, указанный в Конвенции о правах и обязанностях государств, который является основанием возможности участвовать в международных отношениях².

Это связано с тем, что после того, как Монголия провозгласила свою независимость на международном уровне, она начала предпринимать поэтапные меры, такие как установление отношений с соседними государствами Россией и Китаем, а также с другими странами мира, признание ее независимости и сотрудничество на взаимовыгодных условиях. В этом контексте в качестве примеров рассмотрим Монголо-российский договор 1912 г., Монголо-тибетский договор 1913 г., Российско-китайскую декларацию 1913 г., Кяхтинский договор 1915 г. Прежде чем рассматривать их, уместно остановиться на теоретическом вопросе государственного признания, который напрямую связан с критериями возможности участия в международных отношениях.

В международном публичном праве обычно используются две основные теории признания государства государством: декларативная и конституционная. Теория декларации гласит, что если страна соответствует основным характеристикам «государства», она не обязательно должна быть признана другими странами, а признание не имеет юридических последствий и, следовательно, не имеет значения. В Конвенции о правах государств определено, что политическое существование страны не зависит от ее признания другими странами³, тогда как в некоторых других юридических документах и толкованиях констатируется факт возникновения или исчезновения страны, но не факт, что их признают другие

¹ *Montevideo Convention*. Available at: <https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup15/Montevideo%20Convention.pdf> (accessed 03.07.2024).

² *Article 1 of Montevideo Convention*. Available at: <https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup15/Montevideo%20Convention.pdf> (accessed 03.07.2024).

³ *Montevideo Convention*. Available at: <https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup15/Montevideo%20Convention.pdf> (accessed 03.07.2024).

страны. Определено, что признание не является фактором становления государства, равно как и непризнание не является фактором разрушения государства [45].

Согласно вышеизложенному и теории декларации независимость страны не обязательно требует признания со стороны других стран, но, провозгласив свою независимость, она становится субъектом международного права и участником международных отношений, а сторонники этой теории и подхода отвергают теорию формации или конститутивную теорию, которая выступала против нее. И наоборот, конститутивные теоретики также отвергают декларативные теории. Действительно, доведение этих теорий до крайности может привести к риску недооценки природы проблемы.

Конституционная теория — это теория, которая утверждает, что после того, как страна провозгласит свою независимость, другие страны признают ее субъектом международного права. Даже если основные характеристики страны соблюдены, если другие страны не признают ее, этой стране будет трудно существовать независимо.

Мы можем видеть это в мировой правовой истории, произошедшей в XX в. Даже сейчас этот процесс продолжается. Например, после Второй мировой войны Германия была разделена на две страны, и страны социалистической ориентации выступали против признания Западной Германии, а Запад не признал ГДР. В 1960-е гг. Биафра провозгласила свою независимость и была признана несколькими странами, но через три года вернулась в состав Нигерии. В качестве современного примера можно привести Южный Судан, который отделился от Судана в 2011 г., был признан своей метрополией, в то время как Косово, что является противоположным случаем, было признано многими странами мира, но не Китаем и Россией [15]. Подобных примеров сегодня довольно много, в том числе бывшая Донецкая Республика¹ и Палестина.

Следовательно, важность признания можно увидеть из приведенного выше примера, причем важны как декларативная, так и композиционная теории, и неуместно рассматривать любую из теорий как одну крайность.

Признание бывает де-юре и де-факто. В международном праве и теории государства полное официальное признание государства называется де-юре, частичное — де-факто, а признание де-юре открывает возможность установления полных дипломатических, консульских и иных официальных отношений с соответствующей страной, и фактическое существование этого государства можно рассматривать как явный признак сомнений в способности выстоять или как подготовительный шаг к признанию де-юре [21, с. 32–33]. Также в международном праве признание де-юре означает, что государство законным образом получило свой суверенитет, а признание де-факто — государство обладает всей полнотой власти, и с этой точки зрения именно сторона субъекта имеет право не вступать в соглашения и переговоры с признающим государством.

В целом признание де-юре и де-факто является официальным и полным.

Далее рассмотрим правовую основу международных соглашений по созданию государства Монголия путем провозглашения его независимости и какие меры

¹ В настоящее время такой независимой страны нет, и страна входит в состав Российской Федерации.

были приняты для его признания. Прежде чем рассмотреть этот вопрос, стоит кратко остановиться на международных отношениях и международно-правовой ситуации того времени.

В то время Монголии было очень сложно признать свой суверенитет, поскольку в Азии почти не было стран, заявивших и признавших свою независимость. Ослабевавшее государство Маньчжурия всеми средствами пыталось отменить независимость Монголии, в то время как Китай также открыто выражал намерение отделиться от Маньчжурии, создать среднегражданское государство, а затем создать сверхдержаву, включающую пять наций.

Вопрос: «Как в такой ситуации Монголия может подтвердить свою независимость и быть признанной другими странами?» был одним из самых сложных. Однако монголы от начала и до конца проявляли активность и инициативу в этом важном для страны вопросе, постоянно проводили внешнюю политику, основанную на национальных интересах.

В этом контексте Монголия подписала международно-правовые соглашения сначала с царской Россией, затем с Тибетом, Россией и Китаем и продолжила усилия по установлению отношений с другими странами Азии и Европы. Положение Монголии в международных отношениях того времени и статус Монголии можно считать определенными указанными соглашениями. Поэтому представим краткое исследование соглашений 1912, 1913 и 1915 годов с точки зрения международного права.

Монголо-российский договор 1912 г. и официальное фактическое признание статуса Монголии.

Поскольку исследователи изучали монголо-российский договор и торговый протокол, заключенный в 1912 г., с исторической точки зрения [3; 6; 7; 9; 18–20; 32; 33; 36], в статье подобные вопросы рассмотрим лишь с юридической точки зрения, либо ограничиваясь правовыми рамками международных соглашений. Однако соглашение с точки зрения международного права изучено недостаточно, исследователи, например, Д. Орхон и профессор Удо Б. Баркманн [1, с. 170–175; 27, с. 33–48], изучили с точки зрения международного права.

Со своей стороны, мы подробно рассмотрим упомянутые соглашения с точки зрения права международных договоров и выскажем свою позицию.

21 октября 1912 г. полномочные представители Монголии подписали и подтвердили соглашение и торговый протокол между Монголией и Россией, и Монголия стала субъектом международного права. Его также подписали суверенные представители России, а вскоре после этого они направили ноту другим странам о подписании соглашения с Монголией¹, которое являлось признанием соседней Россией суверенным независимым субъектом международного сообщества.

Однако многие исследовательские работы не рассматривают этот вопрос подробно и обходят его стороной. Каковы объективные основания признания Монголии субъектом международного права? Можно привести много аргументов, отметить общую черту независимого государства, которую ранее раскрывали.

¹ Франции, Англии, Германии, АНУ, Бельгии, Японии, Дании, Голландии, Австрии 9 странам.

Кроме того, нужно обосновать статус Монголии, проанализировать процедуры соблюдения ряда законодательных требований и критериев международных соглашений. Подобный анализ позволяет уточнить следующие моменты: являлась ли Монголия субъектом, имеющим право на заключение международных договоров, обладала ли она правоспособностью заключать международные договоры, действителен ли заключенный договор, были ли представители, подписавшие договор, суверенными субъектами международного права.

В международных публичных правоотношениях основными субъектами считаются суверенные государства и народы, борющиеся за свою независимость [23, с. 10]. Прежде всего, давайте рассмотрим правоспособность Монголии заключать международные соглашения.

В международном праве под субъектом понимается сторона, способная осуществлять определенные виды деятельности на международной арене, например заключать договор, которая способна принимать на себя права и обязанности по международному договору [40, р. 299]. Конечно, чтобы стать субъектом, необходимо соответствовать определенным критериям. Согласно теории субъекта международного права государство считается субъектом, если оно соответствует трем основным характеристикам: во-первых, субъект должен иметь возможность самостоятельно участвовать во внешних сношениях; во-вторых, он должен быть способен брать на себя ответственность согласно международному праву; в-третьих, он должен соответствовать критериям наличия права на заключение международных договоров или права самостоятельно участвовать в процессе создания международно-правовых норм [23, с. 10].

Возможность самостоятельного участия во внешних сношениях означает, что страна может самостоятельно участвовать в международных отношениях, не будучи никем представленной, иметь собственную внешнюю политику и внешнеполитическую организацию, реализующую эту внешнюю политику, а ее внешнюю политику определяет законодатель, реализует правительство.

Монголия, провозгласившая свою независимость в 1911 г., возглавлялась монархом, располагала правительством из пяти министерств, а Богдо-хан определял ядро внешней политики, Министерство иностранных дел наделялось всеми полномочиями для ее реализации. Таким образом, Монголия соответствует вышеуказанным критериям.

Способность нести международно-правовую ответственность исходит из способности участников отношений брать на себя права и обязанности, и согласно истории Монголия выполнила это обязательство именно в рамках нескольких подписанных в то время международно-правовых соглашений, но другая сторона соглашения — Россия, также Китай — нарушила свои договорные обязательства и не несет за это ответственности.

Например, российская сторона забыла о своих обязательствах по Монголо-русскому договору 1912 г. и в 1913 г. вела переговоры с Китаем, изменив часть содержания этого договора в Российско-китайской декларации 1913 г., а впоследствии и в Кяхтинском договоре 1915 г. получило отражение.

Это является явным проявлением грубого нарушения Россией основных принципов международного права, которые заключаются в том, что соглашение

регулирует только отношения между сторонами (*res inter alios acta*) и соглашение является обязательным и справедливо выполняется сторонами (*pacta sunt servanda*).

Стороны самостоятельно устанавливают международно-правовые нормы, которым будут следовать во взаимных отношениях. Эта общая норма нашла отражение в содержании договора между Монголией и Россией. Следовательно, Монголия уже доказала свою способность участвовать в процессе создания норм этого соглашения, является субъектом, способным заключать международные соглашения.

Субъектами международного права признается ряд субъектов, отвечающих трем критериям субъекта международного права. Один из них — «страна». Итак, страну можно назвать независимым государством только в том случае, если она соответствует трем критериям, рассмотренным выше, и только если она соответствует характеристикам страны: наличие населения, территории и управления. Что касается соответствия Монголии этим критериям, это кратко раскрывалось выше.

Стране необходимо иметь население и территорию. Если этих двух свойств не существует, «государство» не может существовать. Эти два признака некоторые исследователи называют естественными [15, с. 104]. Именно поэтому неважно, большое или маленькое население, и в этой связи Малкольм Шоу отмечал, что наличие собственного населения и территории является основным аспектом [49, р. 179–180]. Границы территории определять не обязательно, да и требовать этого нет возможности. Поэтому самым важным критерием территории будет наличие только основной территории [15, с. 104].

Мало того, что у монголов было четкое понимание и знание об этом, так еще до утверждения соглашения лама Цэрэнхим внес в проект пункт о неприкосновенности территорий и границ: «Согласно этому закону (международному праву — *Б. Б.*) понятие государства включает в себя главу, население и территорию, но [Россия — *Б. Б.*] признает существование Монголии, но при этом отрицает ее территорию...». Коростовец упоминал в своих записях этот спорный вопрос с большим разочарованием [17, с. 140]. Он с большим удивлением вопрошал, кто научил ламу таким тонкостям [17]?

Третья характеристика государственности — управление (иметь государство, иметь правительство, иногда называемое публичной властью) — следующий важный признак. Конечно, именно государство осуществляет власть, обслуживает территорию и население, проживающее на этой территории. Но эта власть государства может быть ограничена. Некоторые исследователи отмечают, что неэффективность правительства не влияет на независимость. Однако главный вопрос заключается в том, сможет ли государство в полной мере осуществлять свою власть на территории [39, р. 104].

В случае с Монголией можно сказать, что это условие было полностью выполнено, то есть с момента провозглашения независимости и до конца 1919 г. она полностью установила контроль над своей территорией. Это подтверждают слова полномочного представителя России И. Я. Коростовца.

Итак, вышесказанное позволяет заключить, что Монголия — независимое государство, поскольку она отвечает основным трем критериям субъекта международного права и обладает тремя основными свойствами государства, прописанными в Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государства.

Вместе с тем некоторые исследователи ограничивают эти критерии субъекта международного права тремя признаками понятия «государство», подобная крайность, приверженность лишь одного критерия признания усложняет суть проблемы.

Для того чтобы быть независимой, стране важно устанавливать собственные отношения с другими странами. Главным образом, суверенное государство должно иметь возможность устанавливать правовые отношения с другими странами по своему усмотрению, а не в силу давления со стороны других стран [49, р. 181]. Именно поэтому Монголия подписала международное соглашение с Россией как независимой суверенной страной и ратифицировала монголо-российское соглашение и торговый протокол.

Выше мы упомянули теоретическую проблему признания государства другими странами, наличие двух противоположных теорий, следует отметить, что ни одну из них не следует рассматривать узко. В этом контексте можно сделать следующие выводы.

Согласно теории декларации признания Монголия провозгласила свою независимость путем самопровозглашения. Для обладания независимостью не нужно признание другими странами независимого государства, тот факт, что она провозгласила свою независимость, является достаточным доказательством, чтобы считать ее независимым суверенным государством.

Восстановление Монголией своей независимости и создание государства означают, что она стала субъектом международного права. Это вопрос полного права монгольского народа обрести независимость и провозгласить ее. Однако, по мнению немецкого ученого Удо Б. Баркманна, исходившего с позиции теории формирования, провозглашение Монголией независимости, восшествие на трон Богдо-гэгэна еще не означает образование суверенного государства, поскольку суверенитет должен быть признан как за рубежом, так и внутри страны [1].

Исследователь Д. Мунх-Очир, поддерживающий теорию декларации отмечает, что государства мира декларировали свою государственность в соответствии с теорией декларации [25, с. 74–82]. Таким образом, существует множество позиций, которые поддерживают один теоретический подход и отвергают другой.

Поэтому необходимо обсудить категорию «признание». В международном праве этот вопрос определяется как институт признания, который является политическим и правовым.

У независимой страны неизбежно возникает необходимость вступить в какие-либо отношения с другими странами (особенно с соседними странами), и в этом случае она выражает просьбу об установлении дипломатических отношений и т. д. Если оно носит политический характер, признание или непризнание создает правовые последствия между соответствующими странами.

Поскольку международных документов, соглашений или конвенций, регулирующих их, не существует, они основаны на чисто обычных нормах международного права, и эти обычные нормы не обязаны признавать других лиц субъектами международного права, а признание или непризнание является правом этой страны, а другие стороны имеют право отказаться от признания.

Содержание этого института включает форму, метод, тип распознавания и теорию, на основе которой и в совокупности элементов дается объяснение.

Согласно этой теоретической концепции Россия сначала выступила с предложением заключить договор, Монголия как независимый и суверенный субъект приняла это предложение. В результате долгих переговоров подписан договор, в соответствии с которым Россия признает Монголию независимым, суверенным государством. Это фактическое признание того, что они являются равноправными субъектами международного права. Россия признала, что Монголия обладает всей полнотой власти и является стороной субъекта с правом вступать в соглашения и переговоры с Россией.

Иными словами, с заключением вышеупомянутого соглашения Монголия официально рассматривалась как субъект международного права, хотя по теории формирования с неполным статусом. Однако исходя из содержания соглашения исследователи трактуют его как неравноправное, незаконное, принижающее статус Монголии и т. д., и это не имеет отношения к вопросу института признания.

По сути, признание Монголии в любой форме (де-факто в приведенном выше случае) легло в основу стабильных политических и экономических отношений нашей страны, а последующие процессы доказывают, что она смогла реализовать свои права и обязанности как субъект международного права. Исходя из этого, мы будем рассматривать шаг признания де-юре после того, как он будет предпринят.

Теперь важно рассмотреть содержание соглашения. Соглашение имеет четыре статьи преамбулы и прилагаемое к нему специальное соглашение, состоящее из 17 статей. Подводя итог основному содержанию, в преамбуле договора упоминаются основные цели — сохранение бережно хранимых монголами традиций и обычаев государства, вывод китайских войск с монгольской территории, установление торговых правил между Россией и Монголией.

Согласно статье 1 Монголия правомочна установить правопорядок, систему управления, не допускать китайских граждан и иммигрантов в Монголию, а Россия обязуется помочь Монголии сформировать свою армию. В статье 2 гражданам России предоставлены особые права на занятие преференциальной торговлей в Монголии. В связи с этим подробно регламентируется прилагаемый договор. Статья 3 гласит, что Монголия имеет право заключать международные соглашения с Китаем и другими зарубежными странами без ущерба для положений этого соглашения. Статья 4 предусматривает, что соглашение вступает в силу после его подписания полномочными представителями обеих сторон. Когда страна заключает международные соглашения с другой страной, стороны этих соглашений считаются сторонами международных отношений.

В этом случае предварительным условием договора является действительность договора, которая может быть исполнена только в результате акцепта. Таким образом, в результате взаимного признания двух стран, подписавших международные соглашения, можно будет подписать миллион соглашений. Хотя вопрос действительности содержания договора важен, он не имеет прямого отношения к основной проблеме исследования, поэтому данный вопрос не затрагивается.

Тем не менее наше внимание привлекает статья 3 соглашения, поскольку в ней указано, что Монголия имеет право заключать международные договоры

с другими зарубежными странами, Россия не только признает Монголию самостоятельным субъектом международного права, но и более четко подтверждает это содержанием данного договора.

Именно поэтому всего через два месяца после подписания этого соглашения Монголия подписала международное соглашение с Тибетом как независимой страной. Заявление президента США Вильсона также подтверждает это признание. На пресс-конференции 7 апреля 1913 г. он заявил, что признание Россией независимости Монголии было ошибкой и что американская сторона не допустит такой ошибки.

На основании всего вышеизложенного, Монголо-российский договор 1912 г. подтвердил статус Монголии как международно-правового субъекта согласно теории образования Монголии, которая в 1911 г. стала независимым полноправным государством согласно теории декларации.

Монголо-тибетский договор 1913 г. и официальное признание статуса Монголии де-юре

Следующим шагом Монголии после ее официального признания де-факто стало подписание международного соглашения с Тибетом в январе 1913 г. Исследователи интенсивно изучают Монголо-тибетский договор 1913 г. с середины прошлого века.

При этом оно рассматривалось в основном с точки зрения истории, политики, международных отношений и дипломатической политики¹, но позже были выдвинуты конкретные аргументы с точки зрения международного права [10, с. 168–169; 28, с. 58–59; 29].

Некоторые исследователи полагают, что между Монголией и Тибетом не было подписано никакого международного соглашения [38, р. 62–63], такого соглашения не существует или оно не доказано [42, р. 150–151, 258, 304], это соглашение имеет мало шансов на юридическую силу или недействительно [16; 43; 48, р. 123], представитель, подписавший соглашение, не является суверенным субъектом [38, р. 151], Тибет не обладает правоспособностью заключать договоры [16, с. 45]. С точки зрения международного права признание независимости было отклонено, так как Монголия не имела такого права и т. д.

Рассмотрим вопрос о международном статусе Тибета. Вопрос о том, является ли Тибет субъектом международного права и обладает ли он правоспособностью заключать договоры, обсуждается уже много лет.

С одной стороны, это связано с тем, что Китай всегда считал Тибет своей частью, а с другой — Тибет проводил политику изоляции во внешних отношениях. Однако на таких основаниях бессмысленно отрицать, что Тибет был независимой страной. Тибет был независимой страной до 1951 г.

Это можно доказать на основании свойств субъекта международного права и признаков государства соответственно. Иными словами, Тибет был не только субъектом международных отношений, но и имел собственное население, территорию, администрацию и управлял своими внешними и внутренними делами

¹ The Papers of Woodrow Wilson. Volume 50 the Complete Press Conferences, 1913–1919. Princeton, New Jersey Princeton University Press, 1985. Pp. 10–11.

без какого-либо иностранного вмешательства. Это подтверждают критерии, указанные в Конвенции о правах и обязанностях государств.

Более того, что касается возможности самостоятельного участия во внешних сношениях, то Тибет имеет историю установления прямых связей с соседними [50, р. 88] и другими странами через Министерство иностранных дел и подписания международных соглашений, в том числе соглашений 1856, 1904 и 1908 гг.

То, что Тибет является независимым государством, доказали все ученые, обсуждавшие доклад на международной научной конференции по теме «Договор 1913 года между Монголией и Тибетом», состоявшейся в Улан-Баторе в 2010 г., на различных основаниях. По этой причине 11 января 1913 г. полномочные представители обеих сторон подписали Договор о Монголии и Тибете как о независимом полномочном государстве.

Соглашение состоит из 9 статей с преамбулой. В преамбуле соглашения две независимые страны заявили о своей независимости друг от друга¹, отметив: «Каждая из наших двух стран, Монголия и Тибет, создали самостоятельное государство...», далее: «Во-первых, Монголия создала независимое государство» во главе с лидером ламаистской религии Джавзандамба-ламой. Далай-лама, монарх Тибета, подтвердил, что Джавзандамба-лама, мастер буддийской религии, был провозглашен главой страны в девятый день нового года одиннадцатого месяца года свиньи. Во-вторых, глава Монголии лама Джавзандамба одобрил и подтвердил, что Далай-лама станет главой страны после того, как Тибет станет независимым. Они заявили, что взаимно признают независимость и суверенитет Монголии и Тибета.

В преамбуле, первой и второй статьях Монголо-тибетского соглашения четко указано, что две страны подписали соглашение на основе равноправия в соответствии с принципами международного права как независимые государства. Поэтому нет смысла каким-либо образом отрицать соглашение. С другой стороны, нельзя исключать, что обычное международное право не имеет значения.

Интересно, что в начале XX в. Монголия и Тибет объявили о своей независимости, и тот же самый факт произошел в начале XXI в.

Декларация независимости Косово не была осуждена Международным судом ООН, и основная причина заключается в том, что в международном праве нет ни одной нормы, запрещающей провозглашение независимости, хотя в некоторых случаях новое государство может быть создано только путем самопровозглашения независимости, в ряде случаев этого не было.

В любом практическом случае декларация независимости не должна рассматриваться как нарушение международного права². Также в международной практике того времени не было запрета на это. Здесь видно, что международное обычное право является основой решения вышеуказанной проблемы. Нет необходимости упоминать другие статьи соглашения. Потому что для нашего исследования важно доказать, что это независимая страна на основе определения Монголии как субъекта международного права и обладания ею способности заключать соглашения.

¹ The Centennial of the Tibet-Mongol Treaty: 1913–2013. Dharamshala, India, Amnye Machen Institute, pp. 1–108.

² International Court of Justice. Advisory Opinion Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in respect of Kosovo, 22 July 2010, p. 84.

Исследователи изучили внешние и внутренние условия в Монголии и Тибете, составление, текст редакции документа, содержание и значение договора, мандат подписавших его сторон, позицию других стран относительно договора, отношение крупных держав и т. д., на основании многостороннего анализа был сделан вывод о том, что соглашение является действительным международно-правовым документом¹.

Однако к неоднозначным и необоснованным выводам некоторых российских и китайских ученых следует отнестись серьезно.

Русский ученый С. Г. Лузянин в своей работе, опубликованной в 2003 г., констатировал, что Российско-монгольское соглашение 1912 года... не уточнило [20, с. 66] окончательно статус внешней Монголии... и Монголия стала реальным субъектом международных отношений в период 1911–1911, 1915 гг. [20, с. 266–267].

В своем выступлении С. Л. Кузьмин отметил, что до 1946 г. Монголия была де-факто независимой страной [46, с. 53] ...признание Монголией Тибета независимым государством показывает, что Тибет признан субъектом международного права <...> пока КНР «мирно не освободит Тибет», [Тибет] будет независимым де-факто и де-юре <...> Этот договор стал документом, доказывающим, что Монголия является страной с полными правами по международному праву после того, как Россия признала ее независимость в 1912 г. [46, с. 58], так по разному исследователи характеризуют статус независимости Монголии и Тибета.

Также некоторые исследователи утверждают, что Монголия и Тибет находились под сюзеренитетом Китая и протекторатом двух великих держав с 1912 по 1946 г., а их правовой статус был неизвестен [35, с. 215].

Неоднозначны выводы, например, о том, что независимость Монголии стала юридически обоснованной, когда Китай признал результаты голосования монгольского народа 1945 г. в январе 1946 г. [35, с. 223]. Тогда как, напротив, с юридической точки зрения независимость Монголии была подтверждена шаг за шагом международными соглашениями, заключенными с 1911 г.

В октябре 1913 г., через девять месяцев после заключения договора, полномочные представители Великобритании, Тибета и Китая приехали на конференцию в Симлу в Индии для заключения международного договора, что можно рассматривать лишь как знак того, что обе страны признали независимость Тибета. В той мере, в какой китайцы выступали против договора между Монголией и Россией, такая же ситуация повторилась и при рассмотрении Русско-китайской декларации 1913 г. и Кяхтинского договора 1915 г. между тремя странами.

Это двойное подтверждение того факта, что эти страны своей деятельностью во внешних отношениях уже признали независимость Монголии. Следует также учитывать, что в то время (в 1913 г.) Великобритания не признавала Китай. Если бы Монголия и Тибет не были независимыми странами, такие страны, как Китай и Великобритания, не подписали бы вышеупомянутые международные соглашения.

Вышеперечисленное является достаточным доказательством того, что Тибет, будучи независимым государством, подписал соглашение с Монголией как с равноправной и независимой страной, признав друг друга де-юре. Поэтому данное соглашение является юридически обязывающим международным документом.

¹ The Centennial of the Tibet-Mongol Treaty: 1913–2013. Dharamshala, India, Amnye Machen Institute, pp. 7–100.

В настоящее время Монголия стала суверенной независимой страной и развивается вместе со странами мира, но, к сожалению, Тибет не смог этого сделать.

Об этом Ч. Р. Бауден отметил следующее: «хотя Монголия является первой страной, которая успешно освободилась от иностранного правления на другом континенте, кроме Европы, Тибет, чей правовой статус очень похож на положение Монголии, не смог осуществить переход к тому, чтобы стать самостоятельной нацией, обретшей суверенное состояние» [37, р. 187].

Так, Монголия вновь провозгласила свою независимость в 1911 г., подписала международный договор с Россией в 1912 г., тем самым де-факто признав ее, а затем подписала в 1913 г. международный договор с Тибетом, де-юре признав друг друга и самостоятельно ведя внутренние и внешние сношения.

Однако многие исследователи отмечают, что независимость Монголии была разрушена декларацией России и Китая в 1913 г. и соглашением трех стран в 1915 г. Мы скептически относимся к этой позиции. Поэтому необходимо прояснить вопрос разрушения независимости Монголии двумя юридическими документами, рассмотрим его очень кратко.

Русско-китайская декларация 1913 г. и ее действие

Многие отечественные и зарубежные исследователи затронули декларацию, подписанную представителями России и Китая в конце октября 1913 г. [22; 31; 34; 41; 50].

При этом исследователи в большей степени обращают внимание на характеристику исторических условий заключения соглашения. Между тем обращает на себя внимание упущение анализа вопросов с позиции международного права, юридического аспекта международных соглашений.

С другой стороны, не менее важно то, что существует необходимость прояснить этот вопрос, особенно международный договор и любые вопросы, связанные с ним, с юридической точки зрения. Фактически, обсуждение этого вопроса с этой точки зрения сделает природу международного соглашения более ясной. Поэтому возникает необходимость тщательного анализа статей декларации 1913 г. с точки зрения международного договорного права.

В 1912 г. Россия сообщила Китаю, что заключила договор между Монголией и Россией, и в ответ Китай выразил неодобрение договора¹. Его главный аргумент заключается в том, что Монголия является частью Китая. Это только позиция Китая. Эта тенденция продолжалась некоторое время.

Итак, до рассмотрения содержания декларации, а также позиций стран-участниц важно прояснить вопрос: «Является ли декларация действительным юридическим документом?». Для этого необходимо рассмотреть правовые основы международных договоров.

Принято считать, что международное право унаследовало два важных принципа от римского права: 1) *Res inter alios acta*, или договор регулирует отношения только между участниками. 2) *Pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, или договор не создает ни прав, ни обязательств для третьей стороны. На практике эти два

¹ Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (1912.8.2–1913.11.2). Санкт-Петербург, 1914. С. 15.

принципа ограничены. Раньше в большинстве случаев заключались двусторонние контракты, поэтому проблем с третьими сторонами не возникало.

Однако интересы третьих стран были затронуты путем раздела территории третьей страны между крупными державами, установления зоны влияния [23, с. 102–103] и т. д. Такой договор недействителен с самого начала. Если этот принцип будет нарушен, это будет считаться вмешательством во внутренние дела суверенного государства. Однако если третья страна желает быть связанной договором в определенной степени, она должна четко заявить о своей согласии.

Итак, что касается Монголии, мы четко заявили, что не примем этого, потому что они вмешиваются во внутренние дела нашей страны по этому принципу. Для Китая и России незаконно тайно обсуждать вопрос независимости Монголии без участия Монголии.

Существует множество других факторов, которые могут доказать недействительность договора. Поскольку Монголия не является юридической стороной этого международного соглашения, все другие вопросы, такие как ратификация, оценка, декларация о соблюдении, обеспечение соблюдения и применение соглашения, не могут обсуждаться здесь. Таким образом, данная декларация изначально является недействительным соглашением, поскольку и Россия, и Китай вмешиваются во внутренние дела Монголии и нарушают основные правовые принципы международных соглашений.

Поскольку она недействительна, бессмысленно и неуместно обсуждать содержание, плюсы и минусы и другие вопросы этой декларации.

Кяхтинский договор 1915 г. и статус Монголии

Было проведено много исследований по договору между Монголией, Россией и Китаем и связанным с ним вопросам [4]. Вот почему нет необходимости повторять то, что пишут исследователи по этому поводу. Однако необходимо обратить внимание на некоторые вопросы, которые ранее не упоминались. Прежде всего, заслуживает внимания проблема участников соглашения. Независимые суверенные государства участвуют в качестве субъектов в заключении международных соглашений.

Участие Монголии и ее полномочных представителей в качестве стороны международного соглашения является ярчайшим доказательством того, что Монголия является суверенным субъектом международного права. Если Монголия была сюзереном Китая согласно декларации 1913 г., то Монголия не может участвовать в этом договоре как независимая страна. Другими словами, это показывает, что такие страны, как Россия и Китай, продолжают признавать независимость Монголии.

С другой стороны, когда Монголия провозгласила свою независимость в 1911 г., она стала субъектом международного права и была де-факто признана в 1912 г., а во время Кяхтинского соглашения 1915 г. стало очевидной необходимостью признания независимости Монголии в силу реальной готовности к независимости.

Позже, в конце 1919 г., как объяснить безумные попытки Китая отменить автономиию Монголии? Разве это не двойное доказательство того, что Кяхтинский договор признал Монголию независимой страной? Как уже говорилось выше,

включение Монголии в качестве стороны этого соглашения, а также тот факт, который привел к заключению этого соглашения, является достаточным доказательством того, что Монголия является независимой страной.

Еще одним важным вопросом является вопрос об уничтожении независимости Монголии в рамках содержания этого соглашения. Если независимость Монголии будет уничтожена или если Монголия будет считаться частью Китая, какова будет позиция Китая и как он будет участвовать во внешних отношениях с Монголией? Необходимо рассмотреть практический вопрос.

В действительности со времени Кяхтинского договора 1915 г. Китай общался с зарубежными странами по любым вопросам монгольского значения, и совершенно неясно, решались ли какие-либо вопросы в рамках внешней политики. Также в статье 1 Кяхтинского договора принятие Россией декларации 1913 г. силой является нарушением правовых принципов международных соглашений. Потому что международные соглашения должны быть основаны на свободной воле государств. Кроме того, это нарушило основной принцип *pacta sunt servanda*, закрепленный в международных соглашениях.

Pacta sunt servanda как общий принцип определяется правовым содержанием добросовестного исполнения договора, исполнения обязательств по договору без искажений, запрета на одностороннее и произвольное изменение или расторжение договора, заключения договора с третьим лицом, страной, что противоречит ранее заключенному контракту [23, с. 9].

Таким образом, договор 1915 г. затронул содержание международного договора 1913 г. и признал договор уже незаконным и недействительным, что само по себе свидетельствует о незаконности этого договора.

В теории международного права действует процедура презумпции действительности договора. Процедуры признания международных договоров недействительными подразделяются на абсолютные и относительные, причем абсолютная недействительность относится к содержанию ничтожности с самого начала [23, с. 126]. Он недействителен *ab initio*, если государство выражает свое согласие на выполнение договора вследствие действия или угрозы, направленной против представителя государства.

Поэтому понятно, что подписание договора 1915 г. монгольской стороной было вынужденным, не имело выбора и входило в неизбежную ситуацию (две другие страны-участницы уже находились в такой ситуации). Судя по всему вышеизложенному, можно сделать вывод, что трехстороннее соглашение 1915 г. представляет собой пустой «бланк», написанный на бумаге, и является недействительным соглашением.

Кроме того, необходимо учитывать, что монгольское государство отвергало вмешательство какой-либо иностранной страны и осуществляло на своей территории самостоятельную законодательную, исполнительную и судебную власть с 1911 по конец 1919 г.¹ Политико-правовой исторический процесс и реальная практика в Монголии являются ярким тому подтверждением.

Однако в конце 1919 г. китайская армия вероломно нарушила государственную границу, насильственно распустила монгольское правительство «по собственному

¹ В то время разделение властей в Монголии осуществлялось не в современном контексте, поэтому в статье оно рассматривается по состоянию того периода времени.

согласию», но этот захват государственной власти не является основанием полагать, что независимость Монголии уничтожена и Монголия перешла под юрисдикцию Китая. В связи с этим возникает необходимость ответить на следующие вопросы: «Была ли уничтожена автономия Монголии в 1919 г. и утрачена независимость монгольского государства?».

Уничтожена ли автономия Монголии и полностью утрачена независимость монгольского государства?

Согласно официальным и неофициальным трактовкам истории Монголии [8, с. 205], в отечественных и зарубежных (не будет преувеличением сказать почти во всех) трудах автономия Монголии была уничтожена в конце 1919 г., Монголия была разрушена [12, с. 86; 26, с. 596; 33, с. 309], независимость Монголии была полностью утрачена [13, с. 357; 30, с. 69].

Иная точка зрения у исследователя Х. Монхбаяра, который провел детальное исследование с исторической точки зрения, на основе выводов усомнился в утрате независимости Монголии [24]. О. Батсайхан в своей работе кратко затронул данный аспект незаконности так называемого письма об уничтожении независимости Монголии [14, с. 151].

Поэтому помимо ответа на поставленный выше вопрос с исторической точки зрения¹, чтобы доказать сохранение независимости Монголии, выдвигаются следующие правовые основания.

В 1919 г. глава монгольского государства не подписал документ, чего потребовали китайские военные силы и вынудили Монголию отказаться от автономии, что прямо означает недействительность документа. Нет необходимости упоминать здесь другие вещи, которые были бы дополнительными доказательствами.

Согласно практике международного права неспособность правительства какой-либо страны осуществлять свои полномочия совершенно не влияет на вопрос независимости [44]. Китайская военная сила временно узурпировала полномочия монгольского правительства, но не разрушила независимость Монголии. Это связано с тем, что неспособность монгольского правительства выполнить свой мандат никоим образом не повлияла на независимость страны.

Поэтому уместно писать не о том, что независимость Монголии была насильственно разрушена, утрачена или погашена, а о том, что Монголия является независимым суверенным государством с 1911 г. и продолжает оставаться линией в истории.

Заключение

В работах исследователей вопрос международного статуса Монголии с 1911 по 1921 г. рассматривался по-разному вследствие неоднозначного определения правового статуса Монголии в нескольких международных соглашениях, заключенных в то время, и, похоже, из-за того, что каждый исследователь учитывал это в своих исследованиях, они не смогли прийти к единому выводу. Хотя бесспорно важны анализ и учет многих факторов, в том числе особенности политической

¹ В связи с этим Х. Монхбаяр считает, что дал ясный ответ с точки зрения истории, и автор поддерживает его позицию.

обстановки, характер международных отношений, исторические традиции и позиция стран, интересы которых затрагиваются, но международный статус Монголии важно исследовать с правовой точки зрения для выявления характера проблемы.

Таким образом, исходя из рассмотрения международного статуса Монголии того времени не с точки зрения того, как он был принят зарубежными странами, а с точки зрения того, как его можно определить с юридической точки зрения, можно сделать следующий вывод. В 1911 г. Монголия восстановила свою независимость путем самопровозглашения, объявления о создании независимого государства, став субъектом международного права. В 1912 г. был подписан международный договор с Россией и признан де-факто, а затем в 1913 г. был подписан международный договор с Тибетом и признан де-юре, что еще больше подтвердило его статус суверенного субъекта международного права.

Если эти соглашения оцениваются в соответствии с правовыми критериями международных соглашений, то Монголия — субъект международных соглашений. Поскольку субъект является стороной международного соглашения или участвует в соглашении в качестве государства, он соответствует основным критериям государства.

Российско-китайская декларация 1913 г. и Кяхтинский договор 1915 г. нарушают основные правовые принципы международных договоров, не являются действительными юридическими документами и представляют собой «пустые» положения, навязанные силой и не подлежащие реализации на практике, особенно в контексте внешней политики, которая является важным вопросом. Это лишь формальная форма и недействительные контракты.

В конце 1919 г. независимость Монгольского государства не была уничтожена, полномочия Монгольского правительства временно осуществлялись извне, что не является основанием утраты самостоятельности и суверенности страны.

Нормы международного права регулируют отношения между независимыми и суверенными государствами, существующими бок о бок. При этом по воле этих стран на основе практики создаются общепринятые нормы.

По этой причине нелегко ограничить независимость и суверенитет любой страны. Это хорошо видно на примере Монголии.

Доктор Дж. Бор заметил [11, с. 3], что ничто так не вскружило голову миру, как вопрос государственного статуса или независимости Монголии в XX в.

Соответствие всем критериям независимого государства является достаточным доказательством того, что Монголия была независимым полноправным государством. Путем сравнительного анализа полностью доказано соответствие формальным требованиям теории международного права, теории государства, теории и истории права суверенного государственного образования Монголии как субъекта международного права, независимость которого продолжалась до 1911–1921 гг.

Литература

1. Баркманн У. Б. Процесс восстановления независимости Монголии не будет рассматриваться с точки зрения действовавшего на тот момент классического

международного права и международных отношений // Независимость Монголии и монголы : сборник материалов международной научной конференции. Улан-Батор : Письма вечности, 2012. С. 6. Текст : непосредственный.

2. Независимость Монголии от России (1912–1913) / У. Б. Баркманн, Ж. Болдбаатар, Ж. Урангуа, Н. Хишигт. Улан-Батор, 2008. 178 с. Текст : непосредственный.

3. Батбаяр Ц. Монголия и великие державы в XX в. (от Кяхты до Ялты: Сталин, Чан Кайши, независимость Монголии). Улан-Батор : Адмон, 2015. Т. 1. 317 с. Текст : непосредственный.

4. Батсайхан О. Договор о независимости Монголии 1915 г. с Китаем, Россией и Монголией (1911–1916). Улан-Батор, Монголия: Адмон, 2002. 352 с. Текст : непосредственный.

5. Батсайхан О. День независимости Монголии (1911–1946). Улан-Батор, Монголия. Улан-Батор : Адмон, 2005. Текст : непосредственный.

6. Батсайхан О. Монголия на пути к становлению суверенного государства. Улан-Батор, Адмон ХХК. С. 17–24.

7. Болд Р. Монголын тусгаар тогтнолба Америкийн нэгдсэн улс (1910–1973). Улан-Батор : NEPKO publishing, 2008. 411 с. Текст : непосредственный.

8. Болдбаатар Ж., Лүндээжанцан Д. Исторические традиции монгольского государства и права. 3-е изд. Улан-Батор : Соёмбо принтинг, 2021. 427 с. Текст : непосредственный.

9. Болдбаатар Ж., Урангуа Ж., Хишигт Н. Независимость Монголии и Российская империя (1912–1913). Улан-Батор, 2008. С. 15–23.

10. Бор Дж. Некоторые вопросы внешней политики и традиции дипломатии Монголии (ранний, средний и современный период). Улан-Батор : Государственное издательство, 1997. 81 с. Текст : непосредственный.

11. Бор Дж. Свет и тень независимости Монголии. Улан-Батор : Есөн-Эрдэнэ, 1996. 81 с. Текст : непосредственный.

12. История Монголии / под редакцией Ж. Болдбаатара, М. Санждорж, Б. Ширэндэва. Улан-Батор : Адмон, 2003. Т. 5. 483 с. Текст : непосредственный.

13. История Монголии / под редакцией П. Дэлгэржаргала, Б. Чинзорига, Ж. Болдбаатара. 1-е изд. Улан-Батор : Изд-во МНГУ, 2017. Текст : непосредственный.

14. История Монголии. 1911–2017 / О. Батсайхан, З. Лонжид, Ч. Энхбат [и др.]. Улан-Батор : Соёмбо принтинг, 2017. 671 с. Текст : непосредственный.

15. Клабберс Я. Международное право / под редакцией М. Уянга, Э. Туулайхүү. Улан-Батор, 2022. 494 с. Текст : непосредственный.

16. Клинов А. С. К вопросу о международно-правовом статусе Тибета // Мир Евразии. Т. 2, № 2. URL: http://e-lib.gasu.ru/Evrazia/arhiv/2008/mire_2.pdf 6 (дата обращения: 15.09.2024). Текст : электронный.

17. Коростовец И. Я. Девять месяцев, проведенных в Монголии (Дневник Полномочного представителя России в Монголии), 1912 оны 8-р сараас 1913 оны 5-р сар. / перевод на монгольский Ч. Баатара. Улан-Батор : Монсудар, 2013. 448 с. Текст : непосредственный.

18. Лонжид З. Түүх сөхөхүй. Улан-Батор : Сэлэнгэпресс, 2011. 412 с. Текст : непосредственный.

19. Лонжид З. Изучайте историю. Улан-Батор : Маршалл принт, 2016. 422 с. Текст : непосредственный.

20. Лузянин Г. С. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. Москва : ОГНИ, 2003. 318 с. Текст : непосредственный.
21. Лүндэндорж Н. Теория государства. 4-е изд. Улан-Батор : Письма вечности, 2020. 368 с. Текст : непосредственный.
22. Макото Т. Забытая история Монголии. Правительство Богдо-хана (1911–1921). Улан-Батор : MN Technology, 2011. 216 с. Текст : непосредственный.
23. Мөнхбат М. Олон улсын гэрээний эрх зүй. Улан-Батор, 2017. 153 с. Текст : непосредственный.
24. Мөнхбаяр Х. Монголия в период китайского военного режима Сюй Шучжэня и гражданского правительства Чэнь И. // История (XI). Исследовательский доклад. 2012. № 373(33). С. 98–149. Текст : непосредственный.
25. Мөнх-Очир Д. Международный статус и государственное устройство Монголии в период правления Богдо хана // Монгольская национальная революция — 95 : материалы научной конференции, посвященной 95-летию Национальной революции 1911 г. (28 декабря 2006 г.) / под редакцией Б. Пунсалдулам и Л. Алтанзайи. Улан-Батор : Цоморлиг, 2007. 9 с. Текст : непосредственный.
26. Нацагдорж Ш., Ишжамц Н. История Монгольской Народной Республики. Т. 1. 1604–1917. Улан-Батор : Государственное агентство печати, 1968. 621 с. Текст : непосредственный.
27. Орхон Д. К правовым вопросам договоров 1912, 1913 и 1915 годов о Монголии. Историография Tomus XXVI, Fasc 1-11. Улан-Батор, 1992. 16 с. Текст : непосредственный.
28. Пунцагноров Ц. История Монголии периода автономии. Улан-Батор : Государственное издательство, 1955. 292 с. Текст : непосредственный.
29. Сандаг Ш. Международные отношения Монголии (1850–1919). Улан-Батор : Изд-во Академии наук, 1971. 215 с. Текст : непосредственный.
30. Урангуа Ж. Монголия в нач. XX в. (1911–1919). Улан-Батор : Письма вечности, 2006. 313 с. Текст : непосредственный.
31. Урангуа Ж. Независимость Монголии: Русско-китайская Пекинская декларация 1913 года // Независимость Монголии и монголы : материалы международной научной конференции (Улан-Батор, 9–12 декабря 2011 г.) / составитель С. Чулуун. Улан-Батор : Письма вечности, 2012. С. 13. Текст : непосредственный.
32. Хайсандай Л. Политика золотых возможностей правительства Монголии (Исторический обзор). Улан-Батор : Типография Фонда Бэмби, 2022. 514 с. Текст : непосредственный.
33. Цэрэндорж Ц., Мягмарсамбуу Г. История монгольского государства (XX–XXI зуун) // Т. I. Независимая Монголия (1911–1921). Нэгдүгээр боть. Монгол Улсын түүх. Улан-Батор : Вечные письма, 2023. 386 с. Текст : непосредственный.
34. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. Москва : Восточная литература, 1987. 233 с. Текст : непосредственный.
35. Шагж Ц. Монголия и Тибет: национализация (сравнительное исследование того, как формировалось государство в начале XX века) / Национальная разведывательная академия. Договор 1913 года между Монголией и Тибетом :

международный правовой документ (сборник докладов научной конференции). Улан-Батор : Письма вечности, 2012. 22 с. Текст : непосредственный.

36. Ширэндэв Б. История монгольской революции. Улан-Батор, 1969. 493 с. Текст : непосредственный.

37. Bawden C. R. *The Modern History of Mongolia*. London and New-York, Kegan Paul 5. International, 1989, 467 p.

38. Bell Ch. *Tibet Past and Present*. Delhi, Munshiram Manoharlal Publisher, 1990, 362 p.

39. Briggs H. W. *The Law of Nations*. 2nd ed., New York, 1952. 942 p.

40. Damrosch L. E., Henkin L., Murphy S. D., Smith H. *International Law: Cases and Materials*. 5th ed. St. Paul, 1964 p.

41. Friters G. M. *Outer Mongolia and Its International Position*. Baltimore, The Johns Hopkins Press, 1949, 358 p.

42. Grunfeld A. T. *The Making of Modern Tibet*. New York. 1987. 269 p.

43. Jiawei W., Gyaincain N. *The Historical Status of China's Tibet*. China Intercontinental Press, 1997. 333 p.

44. Koskenmäki R. Legal Implications Resulting from State Failure in Light of the Case of Somalia. *Nordic Journal of International Law*. 2004; 73: 36 p.

45. Kindred H. M., Saunders, Ph. M. *International Law Chiefly as Interpreted and Applied in Canada*. Edmond Montgomery Publications Limited, 7th Edition. Ch. 2. International Legal Persons, 2006. 1219 p.

46. Kuzmin S. L. *The Treaty of 1913 between Mongolia and Tibet as Valid International Document*, 2023.

47. Oppenheim's International Law. Ed. R. Y. Jennings and A. D. Watts. 9th ed., London, 1992, vol. 1, p. 120.

48. Rubin A. The Position of Tibet in International Law. *The China Quarterly*; 1968. 35: 44 p.

49. Shaw M. N. International Law. 5th edition. Cambridge University Press, 2003. 1288 p.

50. Tatsuo N. *Russian Diplomats and Mongol Independence. 1911–1915. Mongolia in the 20th Century: Landlocked Cosmopolitan*. Ed. by S. Kotkin and B. A. Elleman. Armonk, New York, London. 1999. 8 p.

51. Van Walt van Praag M. C. *A Legal Examination of the 1913 Mongolia-Tibet Treaty of Friendship and Alliance*. The Centennial of the Tibet-Mongol Treaty: 1913–2013. Dharamshala, India, Amnye Machen Institute, 2013. 20 p.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 16.11.2024; принята к публикации 20.12.2024.

STATUS OF MONGOLIA IN INTERNATIONAL LAW (1911–1921)

Bayanbaatar Batbayar

Master of Laws (LL.M), Senior Lecturer, Doctoral Candidate,
National University of Mongolia
17 Sukhe-Batora St., Ulaanbaatar 14201, Mongolia
batbayar_b@num.edu.mn

Abstract. Domestic and foreign scientists have conducted extensive research on the independence and autonomy of Mongolia. In particular, whether Mongolia became independent in 1911, whether it was recognized according to the treaties of 1912 (Russian-Mongolian Treaty), 1913 (Mongolian-Tibetan Treaty), and 1915 (Kyakhta Treaty). There are still different opinions of researchers on many issues of the legal status of Mongolia in the international arena.

The article attempts to reveal the issue of independence and sovereignty of Mongolia at the beginning of the 20th century from the perspective of the history and theory of state and law, international legal theory, and the principles of international law. What was the legal basis for international treaties and agreements of Mongolia with other countries? Are the signed international agreements valid? If so, what is the justification for validity?

When considering the status of Mongolia in international law from a legal perspective, it is important to comprehensively analyze the independence of Mongolia during the period under study. Many researchers in addition to denying the independence of Mongolia express ambiguous and uncertain positions.

Keywords: international law, international status, states, law, Mongolia, international treaty, declaration.

For citation

Batbayar B. Status of Mongolia in International Law (1911–1921). *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2024; 4: 37–56 (In Russ.).

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 20.12.2024.